

Одно из последних интервью, взятых мною в Москве на конгрессе соотечественников, было с Валерией Флориановной Даувальдер. Русская художница, создающая свои картины в оригинальной технике, из драгоценных камней, собираемых на побережье Адриатики; писательница, сказочница, пианистка, композитор. И хотя В. Ф. Даувальдер идет сейчас восьмой десяток лет, творчество ее, как и творчество многих наших зарубежных соотечественников, только-только начинает становиться известным в России и Советском Союзе. Хочется надеяться, что когда-нибудь ее выставка, книги, музыка дойдут и до Латвии со складывающимся теперь здесь своим русским зарубежьем. И кусочек бережно сохраняемой и творимой соотечественниками русской культуры приоткроется и для нас.

Русские: люди и судьбы

В. Ф. Даувальдер:

Я - ПТИЦА РАДОСТИ...

Сов. период жизни — 1901 — 14 лет

— Валерия Флориановна, как вы очутились за границей? Вы эмигрант какого поколения?

— Я не совсем эмигрантка. Мой дедушка со стороны отца был швейцарец. Когда ему было двадцать лет, он увлекся Марией Ивановной Гриневой, дочерью пензенского помещика. И последовал за пленившей его женщиной в Россию. Там он на ней женился, затем приобрел маленькое имение на юге России, где родился мой отец. Я появилась на свет в Мариуполе, где отец, инженер, был в командировке, а мама сопровождала его: они никогда не расставались. В России я окончила десятилетку и музыкальную школу. Впоследствии я продолжала учиться в Швейцарии, в Флебурге, куда нас доставили с помощью Красного Креста через Варшаву и Берлин. Экзамены на аттестат зрелости сдали в институте для благородных девиц, который находился при монастыре урсулинок. Затем окончила художественное училище и теологический факультет богословского института в Париже. Одновременно занималась психологией, но курса

не окончила по семейным обстоятельствам. Интересовалась также фрезерно-расточными станками, писала диссертации, посвященные станково-электронному управлению, и так далее...

— Вы почти всю свою жизнь провели за границей. Но стихи писали по-русски, прозу — по-русски, да и картины, музыка у вас совершенно русские. И знаю, что сейчас вы, так долго жившая вне России, собираетесь вернуться обратно...

— Я не считаю себя здесь иностранкой: хотя у меня есть капля швейцарской крови, но воспитывалась я в традиционной русской семье. Семья была дружная, большая, сохраняла все обряды и обычаи — это я увезла с собой и передала детям. Мы до сих пор живем по календарю старого стиля. У меня в доме все православные, в том числе и я сама. Так что меня больше волнует положение церкви, чем политические события. В моей семье все очень любят Россию и привязаны к ней. У меня же эта любовь просто звериная, за границей я живу только воспоминаниями о запахах, природе, красках

русской земли. И когда я приезжаю сюда, то чувствую — здесь мой дом, здесь мои корни...

— Вы поддерживали и поддерживаете связи со многими представителями русской зарубежной культуры...

— Я была тесно связана с русской эмиграцией с первых же дней моего приезда в Швейцарию. Что касается литературы, то я довольно долго была сотрудником "Возрождения", — это самый серьезный зарубежный журнал, — вплоть до его закрытия, если я хорошо помню, в 63-м году. Так как я еще художник и композитор, то у меня были связи с художественным, музыкальным, театральным миром эмиграции. Среди моих друзей могу назвать Сергея Лихаря, Николая Березова, Филипповскую — это из артистов балетной труппы Дягилева еще. Была знакома с Константином Коровиным, от которого получила картину Левитана, привезенную мною сюда в дар еще в прошлом году. Я бы могла назвать много имен больших деятелей культуры, которых волна революции выпих-

нула за рубеж и с которыми я поддерживала отношения.

— Трудно ли русской интеллигенции жить и творить за границей?

— Я могу ответить только за себя. Мне, конечно, было трудно, потому что я всегда любила русскую землю и очень по ней тосковала. Здесь погбила вся моя семья, я тянусь к дорогим могилам, и жизнь была бы невыносимой, если бы я не была так занята. Много училась, работала как скульптор, художник, писатель, композитор, теолог; кстати, теология — это не пустой звук, я очень много времени отдала работе в церкви. Сейчас планируются мои выставки в России, после уже состоявшихся в Москве и Абрамцеве картины будут показаны в Киеве, Харькове, Ростове, Звенигороде, Вятке, Воронеже, Петербурге, Петергофе и других городах. Так что программа у меня очень обширная, а еще нужно уделить время для творчества.

— Вы выставались в Швейцарии, Франции, Италии...

— Да, но до сегодняшнего дня выставки были для меня затруднительны. Я оставила станковую живопись, найди свои собственные краски, а так как я писала сказки, то мне хотелось их иллюстрировать. Я хотела, чтобы мои иллюстрации становились иллюстрациями-картинами, то есть живописью. Сейчас мне кажется, что я достигла своей цели. Кроме этого, я нашла еще новую технику — создаю мозаики из драгоценных камней. Это редельные мозаики: я сохраняю камни в их первоначальной чистоте, лишь немного трогая резцом, если создаваемому мною образу нужно придать портретное сходство. А в остальном камни остаются такими, какими Господь просыпал их на мои ладони...

— Я видела репродукции ваших картин, слышала исполняемые русской зарубежной певцей оперные арии, которые вы сочинили. По духовному наполнению ваше творчество — это творчество XIX века. Как вы чувствуете себя в современной России?

— Мне не хотелось бы, чтобы мое творчество определяли XIX веком. Каждое новое сказанное слово — оно вневременное. Но если говорить о духовной культуре прошлого века — да, традиции идут оттуда. Я сохранила обряды, обы-

чай, веру и все то, чем жил русский человек до революции.

— Вами написано много книг — сказки, рассказы, повести, теологические труды. А как называется ваше самое последнее литературное произведение?

— Самая последняя книга — это автобиографическая "Жизнь, любовь". Написаны две части, первая называется "Родина", вторая — "Чужбина". Третья часть, над которой я еще только собираюсь работать, будет называться "Встречи". Теперь, когда я возвращаюсь в Россию, мне хочется написать четвертую книгу. Я назову ее "Снова Родина", как бы замыкая круг. В этой последней книге я хочу рассказать о всех тех, кого я встретила здесь, в России, о замечательных людях и замечательных для меня событиях и, конечно, о природе, дорогих для меня местах.

— Ваше самое яркое впечатление здесь?

— Его очень трудно назвать. Но чисто символически — самый яркий момент был, когда после богослужения в Кремле мы вышли и увидели танки.

— А что вы вообще чувствовали в эти августовские "три дня, которые потрясли мир"?

— Большой интерес. Но это не был отстраненный интерес постороннего наблюдателя. Я была на улицах вместе с моими друзьями и, конечно, разделяла все их переживания. Для меня был важен конечный результат всего этого. Но страха — не знаю, может быть, кто-то из приехавших вместе со мной и испытывал страх — у меня не было.

— Если бы этот государственный переворот закончился удачно для пунтистов — вы все равно вернулись бы в Россию?

— Полагаю, в этом случае у меня просто не было бы самой возможности — вернуться.

— Вы верите в будущее России?

— Мне кажется, все мы должны верить в светлое, радостное. Я — птица радости, я не умею пророчествовать о чем-то злом и печальном. Мне всегда кажется, что дорога передо мной светла, широка и озарена милостью Божией.

— Спасибо вам за надежду.

Вела интервью
Татьяна ТУРЧИНА.